

Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 г.*

Р. С. ЗАКИРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. А. ШОЛОХОВА)

Автор статьи на основании анализа мемуаров, архивных данных и опубликованных материалов выясняет отношение общества к убийству великого князя Сергея Александровича в 1905 г. Обосновывается тезис о том, что убийство великого князя было встречено почти всеми социальными слоями с одобрением, что оказало большое влияние на внутреннюю политику Российской империи.

Ключевые слова: эсеры, терроризм, И. П. Каляев, общество, революция, убийство, великий князь Сергей Александрович, отклики на убийство, внутренняя политика, Российская империя.

Убийство великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. (он погиб от бомбы террориста И. Каляева) выявило все более усиливающийся раскол между самодержавной властью и народом. Трудно переоценить важность этой темы, которая еще не привлекала внимания ученых. Историкам хорошо известны такие вехи революционного движения, как Кровавое воскресенье (9 января) и Декабрьское восстание в Москве зимой 1905 г., но по какой-то причине убийство революционерами великого князя — беспрецедентное событие, которое по масштабу и значению вполне сопоставимо с двумя вышеуказанными событиями, — известно гораздо меньше. Не привлекало внимания исследователей и то, как общество восприняло убийство великого князя. А между тем убийство члена императорской фамилии и то, как его восприняли люди, имеет большое значение для понимания происходивших в Российской империи начала XX в. процессов.

Эта тема особенно актуальна в свете того, что по телевидению и в СМИ регулярно можно наблюдать тенденциозные попытки идеализации великого князя (и всей императорской семьи). Казалось бы, убийство великого князя, который позиционируется как герой Балканской войны, образцовый христианин, меценат и благотворитель, должно было оттолкнуть общество от революционеров-террористов. Однако этого не произошло. Современники великого князя оказались далеки от его идеализации, и реакция общества на его

убийство наглядно это показала. Подавляющее большинство откликов людей на это событие были одобрительными.

Согласно рапорту директора Департамента полиции А. А. Лопухина от 11 февраля 1905 г. лишь небольшая часть рабочих проявляла какое-то сожаление о гибели великого князя, участвуя в панихидах по нему и устроив сбор средств. В среде интеллигенции царило буквально ликование, а студенты известие о гибели великого князя встречали аплодисментами и возгласами «Долой самодержавие!». А. А. Лопухин особенно отметил тот факт, что дворянство и земцы внешне спокойны, но у «большинства в их среде существует в лучшем случае равнодушие к этому злодеянию» (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 48об.). Он сообщает также, что «крупная интеллигенция ведет широкий сбор денег на покупку оружия; деньги жертвуют адвокаты, врачи, люди других профессий; значительные средства на вооружение дает местное купечество, среди коего только незначительное меньшинство сочувствует существующему режиму и образу правления» (там же). А. А. Лопухин делал вывод, что ожидается открытый мятеж или «крупные кровавые события» во время погребения великого князя или в самом скором будущем (там же).

Согласно агентурным сведениям по состоянию на 6 февраля 1905 г. «настроение среди рабочих и учащейся молодежи [Москвы] довольно тревожное» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67.

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение № 14.В37.21.0491).

Д. 591а. Л. 87об); рабочие завода Бромлей в этот день предполагали провести забастовку и противоправительственную демонстрацию, в связи с чем войска были приведены в боевую готовность (там же). Департамент полиции перехватил частное письмо, в котором неустановленный автор пишет, что «19 февраля [1905 г.] предполагалась вооруженная демонстрация в Кремле, но ничего не вышло. <...> Во всяком случае, 19 февраля ожидалось страшно напряженно» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 144).

В делах Московского охранного отделения сохранились отклики на убийство великого князя, прозвучавшие днем 4 февраля 1905 г. из уст представителей самых разных социальных слоев, в самых разных местах Москвы.

Мещанка Е. К. Сиволапова: «Давно пора, так как из-за него пострадали на Ходынке, это так не окончится, еще будет. <...> Князь обобрал Красный Крест, кутил в Яру, и, как сапожник, ничего не понимает» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 99. Л. 3). Мещанин Д. Н. Николаев: «Если бы его не убил этот неизвестный мужчина, то его убил бы я» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 210. Л. 2). Группа студентов, шедшая по Кузнецкому мосту и услышавшая взрыв в Кремле: «Ну, этот готов!» (там же: Л. 17). Другая группа студентов: «Удача! Как нельзя лучше!» (там же: Л. 128об.). Еще отзыв из студенческой среды: «Убили великого князя Сергея Александровича, но его еще мало, будут еще убийства, убьют вдовствующую императрицу и вообще весь Дом Романовых» (там же: Л. 109–109об).

Крестьянин П. Ф. Ушаков — крестьянину Калимуллину: «Ты дурак, о чем ты плачешь, что его убили? Ему, сукину сыну, давно было надо быть убитым!» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 210. Л. 22). Крестьянин И. В. Бояркин: «Мало убили Сергея Александровича, мы всех их перебьем» (там же: Л. 24). Разговор двух неизвестных на бульваре: «И Николая, и Алексея, всех перебить надо, как Сергея» (там же: Л. 253). Ссылный, нелегально вернувшийся в Москву и случайно задержанный на улице: «Убили великого князя, убьют и государя, перебьют и всю полицию» (там же: Л. 23). Горничная А. Маркова, узнав о гибели великого

князя: «Теперь я могу угостить вас мадерой, за то что дело, обещанное нам, сбылось» (там же: Л. 199), несколько раз она смеялась по этому поводу и высказывала надежду, что «скоро всех перебьют» (там же). Офицер и чиновник при встрече: «Слава богу, Сережку убили!» (там же: Л. 105).

Потомственный дворянин А. А. Зыбин по телефону «торжествующе говорил, что так его великого князя и надо и что нужно еще [убить] его друга» (там же: Л. 28). Дворянин В. М. Саблин: «Слава богу, радость: Сережку убили. <...> Жалеть нечего, этого мало: еще нужно убить Трепова, Булыгина, Владимира и наконец дойдет до Николки» (там же: Л. 155). К присяжному поверенному Кроткову «пришел студент, который закричал: „Свое дело сделали!“, после чего жена Кроткова принесла бутылку шампанского, начали все ее пить и кричать „Ура!“, причем весь день прошел в кутеже» (там же: Л. 228).

Крестьянская масса, которая и являлась социальной опорой эсеровской партии, тоже показала свое истинное отношение к великому князю: вскоре после того как известие о гибели великого князя дошло до его имения в Орловской губернии, оно было полностью разгромлено крестьянами нескольких окрестных деревень. Были разграблены и сожжены дом и завод, принадлежавшие великому князю, а управляющему имением были нанесены побои (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 39. Л. 74об).

В городе Василе Нижегородской губернии и Васильском уезде было зафиксировано распространение слухов о том, что исполнитель покушения на великого князя Сергея Александровича обманом взят из тюрьмы неизвестными лицами в жандармской форме и скрылся, а также о том, что он освобожден из-под стражи и не будет наказан за свой поступок (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 160). Слухи о том, что неизвестный, покушавшийся на великого князя, бежал из тюрьмы, зафиксированы и в Москве, причем именно они стали причиной для перевода И. П. Каляева из окраинного Якиманского арестного дома в более надежную Бутырскую тюрьму (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 130об). Казанский мещанин А. Розенберг, желая приобщиться

к славе, заявил, что принимал личное участие в убийстве великого князя, и полиции пришлось его арестовать и везти на очную ставку с И. П. Каляевым (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 250. Л. 273).

Стоит отметить, что убийство великого князя Сергея Александровича стало, пожалуй, первым (а возможно, и единственным) политическим убийством, которое дало толчок появлению массы карикатур, анекдотов и острот. Получила широкое распространение шутка о том, что великому князю наконец пришлось пораскинуть мозгами, причем звучала она даже в профессорских домах (Гессен, 1937: 195). Сохранились и некоторые реплики, которыми перебрасывались очевидцы покушения: «Молодцы, ребята, никого стороннего даже и не оцарапали, чего зря людей губить» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 137). Женщине, подбиравшей оторванный палец, кто-то сказал: «Чего берешь, чай не мощи!» (там же). Один из присутствующих пнул ногой студенистый комок со словами «Братцы, а говорили, у него мозгов нет!» (там же). Отмечалось также, что «многие из присутствующих не могли скрывать своего восторга, у многих вырывались замечания радости и удовлетворенности» (там же), а в Москве после убийства великого князя царило чуть ли не праздничное настроение, и «лишь в отдельных случаях слышалось озлобление и негодование, но это исходило из самой темной и некультурной среды» (там же: Л. 137об.).

Многие московские газеты писали об исполнителе покушения на великого князя с едва скрываемой симпатией: авторами статей широко использовались такие обороты, как «стройный молодой человек», «интеллигентное лицо», «берите меня, я не убегу, свое дело сделал» и другие подобные положительные характеристики и выражения. Начальник московской сыскной полиции В. И. Лебедев уже 7 февраля 1905 г. направил рапорт московскому градоначальнику Е. Н. Волкову, в котором указал на «возмутительный тон ежедневных репортерских заметок» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 210. Л. 364), на недопустимость романтизации и героизации террористов, на то, что статьи, написанные в таком духе, вызывают в не-

окрепших умах вирус подражания и сводят на нет усилия розыска. Предлагалось запретить любые публикации об этом деле, и положительная резолюция Е. Н. Волкова была получена (там же). (Впрочем, это не помешало газетам спустя несколько дней в тенденциозном духе написать о визите великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к убийце своего мужа).

В одной из листовок ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР) убийство великого князя охарактеризовано так: «Четвертое февраля — это подземный толчок восставшей стихии. Это лишь искра, выброшенная на миг вулканом народного негодования. Теперь он кипит, волнуется, клокочет. И скопившаяся в нем огненная сила рвется наружу, чтобы охватить очищающим пламенем все скопище народных врагов» (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 16 864).

Несомненно, это был звездный час партии социалистов-революционеров. Ликующие прокламации по этому поводу выпустили все без исключения комитеты партии, а листовки Московского комитета ПСР неоднократно переиздавались на местах. На одной из листовок Северо-Западного областного комитета ПСР указан колоссальный для того времени тираж в 20 тысяч экземпляров (там же: Д. 16 730), тиражи же Московского, Петербургского и Центрального комитетов партии эсеров (на их листовках тиражи не указаны), видимо, были еще больше, плюс издания в других регионах России и за рубежом. Также в огромных количествах рассылались по почте извещения об убийстве великого князя, а впоследствии к годовщинам покушения (4 февраля) выпускались открытки с изображением Ивана Каляева. Популярность и авторитет эсеровской партии и особенно Боевой организации резко выросли, свою долю славы получил и И. П. Каляев.

Убийство влиятельного консерватора, а особенно реакция общества не могли не повлиять на царя, склонив его к реформаторским уступкам. По мнению А. В. Герасимова, начальника Петербургского охранного отделения, «растерянность правительства в 1904–1905 годах во много объяснялась паникой, созданной

успешными покушениями на Плеве и великого князя Сергея Александровича» (Герасимов, 1991: 141). Директор Департамента полиции А. А. Лопухин считал, что «ответом на событие 9-го января 1905 г. была не какая-либо уступка общественным требованиям, а учреждение должности петербургского генерал-губернатора и назначение на эту должность генерала Трепова. Тот страх, который привел Николая II к подписанию рескрипта на имя Булыгина о народном представительстве, был внушен ему совершившимся за две недели перед тем убийством великого князя Сергея Александровича. Оно знаменовало для Николая II близость опасности для него лично, оно и толкнуло его на попытку эту опасность предотвратить» (Лопухин, 1923: 73).

Д. Н. Любимов, управляющий канцелярией МВД, говорит о громадном значении для дальнейшего развития событий убийства великого князя, отмечая, что охранительные силы лишились главной своей опоры (Будницкий, 2000: 346). Супруга великого князя Павла Александровича О. В. Палей 8 февраля 1905 г. записала в своем дневнике: «Спала я так себе, все думала о С.[ергее] А.[лександровиче] и о нашей жизни — что-то будет дальше! Дай Господи остаться в Париже!» (ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 18. Л. 21). С. Ю. Витте в своих мемуарах называет убийство великого князя «исключительным событием» (Витте, 1924: 303). В «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова прослеживается прямая связь между событием 4 февраля 1905 г. и известным рескриптом Николая II о созыве Булыгинской думы (Милюков, 1991: 18).

По мнению одного из лидеров земского движения Д. Н. Шипова, «акты, обнародованные 18 февраля, явились полной противоположностью актам, опубликованным 12 декабря <...> из сопоставления этих двух актов легко усмотреть, что то, что осуждалось 12 декабря и за что сулились строгие кары, 18 февраля представлялось вполне правомерным и удостоивалось высочайшей благодарности» (Шипов, 1918: 291–292). Д. Н. Шипов отмечает, что власть решилась на это под влиянием нарастающего революционного движения, особенно демонстрации 9 января 1905 г. в Петер-

бурге и убийства великого князя Сергея Александровича.

И. В. Гессен писал, что убийство великого князя произвело на верхи огромное впечатление и вызвало еще большее смятение, которое выразилось, в частности, в том, что в один день, 18 февраля, были одновременно опубликованы три противоречащих друг другу государственных акта: рескрипт о привлечении выборных к участию в разработке законодательных предположений, манифест с призывом к строгому исполнению долга присяги и к искоренению крамолы и противодействия смуте и указ Сенату о возложении на совет министров обязанности рассмотрения поступающих от обществ и частных лиц предложений о государственных реформах (Гессен, 1937: 195–196).

Таким образом, не вызывает сомнений, что убийство великого князя Сергея Александровича оказалось выдающимся событием в истории первой русской революции. Можно считать, что оно стало маркером, показавшим истинное отношение общества к самодержавию: выяснилось, что гибель великого князя почти не вызвала сочувствия в обществе, так как великий князь своими действиями и своим образом жизни снискал себе слишком плохую славу.

Поэтому многие люди искренне радовались его убийству, видя в нем заслуженное возмездие, и даже дворяне в лучшем случае восприняли известие равнодушно.

Кроме того, негативное отношение большей части общества к самодурству, жестокости и взяточничеству великого князя, который являлся членом царствующего Дома Романовых, закономерно проецировалось на всех остальных членов царской фамилии и на институт самодержавной власти в целом.

Поэтому эсеры, выбрав в качестве жертвы великого князя Сергея Александровича (даже при том, что его рассматривали не как члена царской фамилии, а как государственного чиновника), попали в самую точку. Пожалуй, лучше всех эту мысль невольно выразил один безымянный карикатурист, изобразивший, как городовая на Сенатской площади на вопросы любопытных «Кого убили?» отвечает:

«Проходи, проходи. Кого надо, того и убили!» (Гессен, 1937: 195).

Действительно, с точки зрения общественного мнения, убили как раз «кого было надо». Был удовлетворен несомненно существовавший общественный запрос на справедливость (а добиться справедливости, особенно по отношению к великим князьям, занимавшим совершенно особое положение в Российской империи, было никоим образом невозможно) и наглядно продемонстрировано, что прославившихся «антинародными» действиями чиновников независимо от статуса и ранга в любой момент может настичь судебная альтернатива народного правосудия (каковой считали свои действия эсеры), также была выбита почва из-под ног охранительных сил: великий князь Сергей Александрович был их живым знаменем и иконой, являясь сторонником жестких мер в борьбе с революцией.

Все эти причины и явились тем, что заставило Николая II в итоге пойти на уступки: в значительной степени под влиянием убийства великого князя было принято решение о созыве Булыгинской думы.

Таким образом, можно считать установленным, что в контексте событий конца 1904 — начала 1905 г. (Кровавого воскресенья, жестокого разгона студенческой демонстрации в декабре 1904 г. в Москве, крестьянских и студенческих волнений в глубинке, рабочих забастовок, в преддверии Декабрьского восстания в Москве 1905 г.) убийство великого князя Сергея Александровича послужило средством наглядной революционной агитации и дальнейшей революционизации народных масс, вывело противостояние революционеров и самодержавной власти на новый уровень. Общество же восприняло гибель великого князя как заслуженное возмездие самодержавию и удовлетворение оскорбленного чувства справедливости, что выявило все более усиливающийся антагонизм между самодержавной властью и народом. Популярность партии социалистов-революционеров, которая устранила ненавистного государственного чиновника и устроила этому событию широкую информационную поддержку, значительно выросла. Власти, в свою очередь, по-

считали убийство «серого кардинала» и главной опоры охранительных сил прологом массового восстания, крайне тревожным сигналом и пошли на ряд уступок, итогом которых стали Манифест 17 октября и созыв Государственной думы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будницкий, О. В. (2000) Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН.

Витте, С. Ю. (1924) Воспоминания. Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Госиздат. Т. 1.

Герасимов, А. В. (1991) На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников.

Гессен, И. В. (1937) В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции: в 22 т. Берлин: Слово. Т. XXII.

Лопухин, А. А. (1923) Отрывки из воспоминаний (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.; Пг.: Госиздат.

Милюков, П. Н. (1991) Воспоминания. М.: Политиздат.

Шипов, Д. Н. (1918) Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых.

Дата поступления: 15.05.2013 г.

PUBLIC OPINION ON THE ASSASSINATION OF GRAND DUKE SERGEI ALEXANDROVICH IN 1905

R. S. Zakirov

(Sholokhov Moscow State University for the Humanities)

Based on an analysis of memoirs, historical data and published materials, the article determines the attitude of the society to the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich in 1905. The author substantiates a point that the murder of the Grand Duke was approved by almost all social strata. This fact had a great impact on the internal policy of the Russian Empire.

Keywords: socialists-revolutionaries, esers, terrorism, I. P. Kalyayev, society, revolution, assassination, Grand Duke Sergei Alexandrovich, responses to the assassination, internal policy, the Russian Empire.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Budnitskii, O. V. (2000) Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.). M.: ROSSPEN.

Vitte, S. Iu. (1924) Vospominaniia. Tsarstvovanie Nikolaia II. 2-e izd. L. : Gosizdat. T. 1.

Gerasimov, A. V. (1991) Na lezvii s terroristami. M. : Tovarishchestvo russkikh khudozhnikov.

Gessen, I. V. (1937) V dvukh vekakh: Zhiznennyi otchet // Arkhiv russkoi revoliutsii : v 22 t. Berlin : Slovo. T. XXII.

Lopukhin, A. A. (1923) Otryvki iz vospominanii (Po povodu «Vospominanii» gr. S. Iu. Vitte). M. ; Pg. : Gosizdat.

Miliukov, P. N. (1991) Vospominaniia. M. : Politizdat.

Shipov, D. N. (1918) Vospominaniia i dumy o pe-rezhitom. M. : Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh.